

ниями» остаются и те афоризмы, которые прямо не связаны с религиозной идеологией. Однако, как правило, наиболее прочно сохраняют книжную форму цитаты, которые и в учительную литературу вошли из канонических книг — из Псалтыри, Евангелия, пророческих книг и апостольских посланий. Такие изречения и в сборниках пословиц остаются авторитетными цитатами, хотя, например, Даль и подтверждает в предисловии («Напутное») к своему сборнику, что «речения из св. писания» «большею частию переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся» (стр. 13). В этом предупреждении Даль объединяет под именем «св. писания» и канонические библейские книги, и учительную литературу разных жанров, довольно широко отразившуюся в устных «пословичных изречениях». Если цитаты из первых редко и слабо «переиначиваются» в живом употреблении, то заимствования из учительной литературы действительно «большею частию переиначены».

Примерами точной или очень близкой передачи цитат из «св. писания» и учительных памятников являются такие изречения Изборника: «Зачало премудрости страх господень» (Сирах, стр. 311) — ср. «Начало премудрости страх господень» (Симони, стр. 124; Даль, стр. 39). Татищев дает неточную запись: «Начало премудрости — страх» (стр. 57). «Храни свещию от ветра и молитву же от лености» (Изборник, стр. 220) — ср.: «Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы» (Даль, стр. 41). «Бояися бога боится и князя» и «Князя боися всею силою своею... научиши ся от того и бога боятися» (Изборник, стр. 242, 241) — ср. «Бога бойся, а царя почитай» (Симони, стр. 83); вариант у Даля: «Бог на небе, царь на земле» (стр. 243); «...судия неправедныи глагола: аще бога не боюся, ни человек не срамляюся» (Изборник, стр. 606) — ср. «Кто бога боится, тот и людей стыдится» (Симони, стр. 115), «Ни бога не боится, ни людей не стыдится» (Даль, стр. 308).

Афоризмы Изборника, в частности и те, которые оставили след в устной пословичной традиции, нередко прибегают к сопоставлению отвлеченных понятий, советов и запретов этического характера с бытовыми конкретными предметами, действиями, явлениями. Цель таких сопоставлений — сделать дидактику изречений как можно более убедительной, придать ей наглядность. Именно поэтому уже во вступительном слове, убеждающем в пользе «почитания книжного», «калугер» прибегает к таким образным доводам-сравнениям: «Узда коневи правитель есть и въздържанье, праведнику же книги», «Не съсоставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжьнааго», «Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и правьднику почитание книжьное» (стр. 153, 154). В этих примерах сопоставление придает афоризму четкую двучленную форму. Сопоставление может быть так метко и выразительно подобрано, что его надолго сохраняет и устный вариант. Например, Изборник характеризует «верного» друга словами Иисуса Сираха: «Друг верьн — кров крепък: обретьи же его обрете съкровиште» (стр. 329). Опуская вторую поясняющую часть этого афоризма, устная пословица сохраняет до XIX в. лаконичный образ первой части: «Друг верен — кров крепок» (Татищев, стр. 52). Полностью сохраняется двучленная форма изречения Иисуса Сираха: «Огньмь искушено бываетъ злато, а человеци приятьни в веремья съмерения» (Изборник, стр. 316). Сохраняя сопоставление, «Пчела» от имени «Исократа» короче излагает афоризм, но относит его только к испытанию друзей: «Злато огнем искушается, а друг житейскими напастьми» (стр. 62). В записи Даля пословица еще короче, но подобно Изборнику отнесена ко всем людям: «Золото огнем искушается, а человек напастьми» (стр. 151).